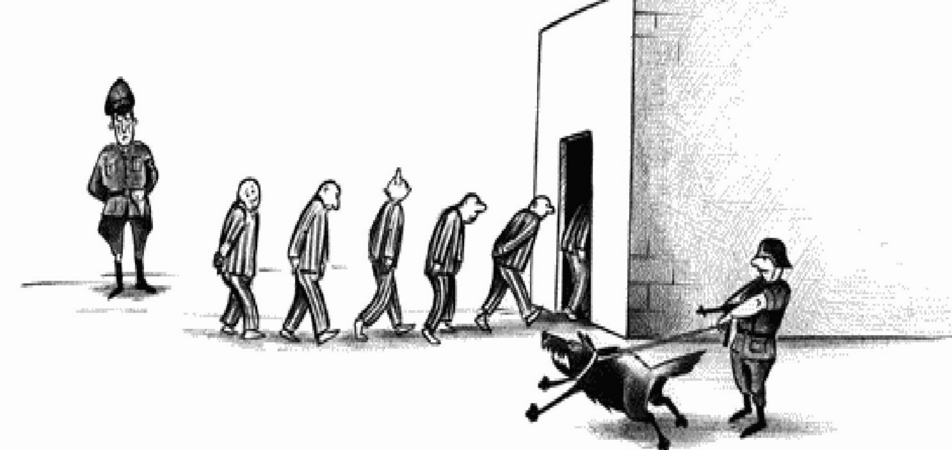
АТЕИСТ №3

Где-то на нашей планете мужчина только что похитил маленькую девочку. Скоро он изнасилует её, подвергнет пыткам и затем убьёт. Если это чудовищное преступление не происходит прямо сейчас, оно произойдёт через несколько часов, максимум — дней. Говорить об этом с уверенностью нам позволяют статистические законы, правящие жизнью 6 миллиардов человек. Та же статистика утверждает, что прямо в этот момент родители девочки верят в то, что всемогущий и любящий бог заботится о них.

Есть ли у них основания верить в это? Хорошо ли то, что они верят в это?

Нет.

Вся суть атеизма заключена в этом ответе. Атеизм — это не философия; это даже не мировоззрение; это всего лишь нежелание отрицать очевидное. К сожалению, мы живём в мире, где отрицание очевидного является делом принципа. Очевидное приходится констатировать снова и снова. Очевидное приходится отстаивать. Это неблагодарная задача. Она влечёт за собой обвинения в эгоизме и чёрствости. Более того, это задача, которая атеисту не нужна.

Стоит заметить, что никому не приходится заявлять о себе, как о не-астрологе или не-алхимике. Как следствие, у нас нет слов для людей, которые отрицают состоятельность этих псевдонаук. Исходя из того же принципа, атеизм — это термин, которого попросту не должно быть. Атеизм — естественная реакция разумного человека на религиозные догмы. Атеист — каждый, кто полагает, что 260 миллионов американцев (87% населения), которые, по данным опросов, никогда не сомневаются в существовании Бога, должны предоставить доказательства его существования и особенно его милосердия — учитывая непрестанную гибель ни в чём не повинных людей, свидетелями которой мы становимся каждый день. Только атеист способен оценить всю абсурдность нашего положения. Большинство из нас верит в бога, который столь же правдоподобен, как боги древнегреческого Олимпа. Ни один человек, независимо от своих заслуг, не может претендовать на выборную должность в Соединённых Штатах, если не заявит публично о своей уверенности в существовании такого бога. Значительная часть того, что именуется в нашей стране «общественной политикой», подчиняется табу и предрассудкам, достойным средневековой теократии. Ситуация, в которой мы находимся, плачевна, непростительна и ужасна. Она была бы смешна, если бы на кону не стояло так много.

Мы живём в мире, где всё меняется и всему — и хорошему, и плохому — рано или поздно приходит конец. Родители теряют детей; дети теряют родителей. Мужья и жёны внезапно расстаются, чтобы больше никогда не встретиться. Друзья прощаются в спешке, не подозревая, что виделись в последний раз. Наша

жизнь, насколько хватает глаз, представляет собой одну грандиозную драму утраты. Большинство людей, однако, думают, что есть средство против любых утрат. Если мы будем жить праведно — не обязательно в соответствии с нормами этики, но в рамках определённых древних верований и кодифицированного поведения — мы получим всё, что хотим — после смерти. Когда наши тела больше не в силах служить нам, мы просто сбрасываем их, как ненужный балласт, и отправляемся в край, где нас ждёт воссоединение со всеми, кого мы любили при жизни. Разумеется, слишком рациональные люди и прочий сброд останутся за порогом этого счастливого пристанища; но зато те, кто при жизни заглушал в себе скепсис, смогут сполна насладиться вечным блаженством.

Мы живём в мире трудно вообразимых, удивительных вещей — от энергии термоядерного синтеза, дающей свет нашему солнцу, до генетических и эволюционных последствий этого света, что уже миллиарды лет разворачиваются на Земле — и при всём этом Рай отвечает самым мелочным нашим желаниям с обстоятельностью карибского круиза. Воистину, это поразительно. Кто-нибудь легковерный может даже подумать, что человек, страшась потерять всё, что ему дорого, создал и рай, и его сторожа бога по образу и подобию своему.

Подумайте об урагане Катрина, опустошившем Новый Орлеан. Более тысячи человек погибли, десятки тысяч потеряли всё своё имущество, и более миллиона были вынуждены покинуть свои дома. Можно с уверенностью сказать, что в тот самый момент, когда ураган обрушился на город, почти каждый житель Нового Орлеана верил во всемогущего, всеведущего и милосердного бога. Но чем же занимался бог, пока ураган разрушал их город? Не мог же он не слышать молитв стариков, которые искали спасения от воды на чердаках и в конце концов захлебнулись. Все эти люди были верующими. Все эти добропорядочные мужчины и женщины молились на протяжении всей своей жизни. Только атеисту хватает смелости признать очевидное: эти несчастные люди погибли, разговаривая с воображаемым другом.

Конечно, о том, что шторм библейских масштабов готов обрушиться на Новый Орлеан, предупреждали не раз, и меры, принятые в ответ на разразившуюся катастрофу, были трагически неадекватны. Но неадекватными они были только с точки зрения науки. Благодаря метеорологическим выкладкам и спутниковым снимкам учёные заставили немую природу заговорить и предсказали направление удара Катрины. Бог никому не поведал о своих планах. Если бы жители Нового Орлена всецело полагались только на милосердие Господа, они бы узнали о приближении смертельно опасного урагана только с первыми порывами ветра. Тем не менее, по результатам опроса, проведённого «Вашингтон Пост», 80% переживших ураган утверждают, что он лишь укрепил их веру в бога.

Пока Катрина поглощала Новый Орлеан, почти тысяча шиитских паломников была затоптана насмерть на мосту в Ираке. Нет сомнений в том, что эти

паломники истово верили в бога, описанного в Коране: вся их жизнь была подчинена неоспоримому факту его существования; их женщины укрывали лица от его взгляда; их братья по вере регулярно убивали друг друга, настаивая на своей интерпретации его учения. Было бы удивительно, если бы хоть один из выживших в этой трагедии утратил веру. Скорее всего, выжившие воображают, что спаслись благодаря божьей милости.

Только атеист в полной мере видит безграничный нарциссизм и самообман верующих. Только атеист понимает, насколько аморально верить в то, что один и тот же милостивый бог спасал тебя от катастрофы и топил младенцев в их колыбелях. Отказываясь прятать реальность человеческого страдания за сладенькой фантазией о вечном блаженстве, атеист остро чувствует, насколько драгоценна человеческая жизнь — и как прискорбно то, что миллионы людей подвергают друг друга страданиям и отказываются от счастья по прихоти собственного воображения.

Трудно представить, катастрофа каких масштабов сможет поколебать религиозную веру. Холокоста оказалось недостаточно. Не хватило и геноцида в Руанде — даже несмотря на то, что среди убийц, вооружённых мачете, были священники. Как минимум 300 миллионов человек, среди них немало детей, погибли от оспы в XX веке. Воистину, пути господни неисповедимы. Похоже, даже самые вопиющие противоречия не помеха для религиозной веры. В вопросах веры мы целиком оторвались от земли.

Разумеется, верующие не устают заверять друг друга, что бог не несёт ответственности за человеческие страдания. Однако как ещё мы должны понимать утверждение о том, что бог вездесущ и всесилен? Другого ответа нет, и пора перестать увиливать от этого. Проблема теодицеи (оправдания бога) стара как мир, и мы дожны считать её решённой. Если бог существует, он либо не может предотвратить ужасающие бедствия, либо не хочет этого делать. Следовательно, бог либо бессилен, либо жесток. На этом месте благочестивые читатели прибегнут к следующему пируэту: нельзя подходить к богу с человеческими мерками нравственности. Но какие же мерки используют верующие, чтобы доказать доброту Господа? Конечно, человеческие. Более того, всякий бог, которого волнуют мелочи вроде однополых браков, или имени, которым его называют молящиеся, вовсе не так уж загадочен. Если бог Авраама существует, он недостоин не только грандиозности мироздания. Он недостоин даже человека.

Есть, разумеется, ещё один ответ — наиболее разумный и наименее одиозный одновременно: библейский бог — плод человеческого воображения. Как заметил Ричард Докинз, мы все являемся атеистами по отношению к Зевсу и Тору. Только атеист понимает, что библейский бог ничем не отличается от них. И, как следствие, только атеист может обладать достаточной долей сострадания, чтобы

видеть глубину и значение человеческой боли. Ужасно то, что мы обречены умереть и потерять всё, что нам дорого; вдвойне ужасно то, что миллионы людей безо всякой нужды страдают и в течение своей жизни.

Тот факт, что в значительной части этих страданий напрямую виновата религия — религиозная нетерпимость, религиозные войны, религиозные фантазии и растрата и без того скудных ресурсов на религиозные нужды, — делает атеизм нравственной и интеллектуальной необходимостью. Эта необходимость, однако, ставит атеиста на периферию общества. Отказываясь терять связь с реальностью, атеист оказывается оторван от иллюзорного мира своих ближних.

Природа религиозной веры

Согласно последним опросам, 22% американцев абсолютно уверены, что Иисус вернётся на Землю не позднее, чем через 50 лет. Ещё 22% полагают, что это вполне вероятно. Судя по всему, эти 44% — те же люди, кто посещает церковь как минимум раз в неделю, кто верит в то, что бог в прямом смысле завещал евреям землю израильскую, и кто хочет, чтобы нашим детям не преподавали научный факт эволюции. Президент Буш хорошо понимает, что такие верующие представляют собой наиболее монолитный и активный слой американского электората. Как следствие этого, их взгляды и предрассудки оказывают влияние почти на любое решение государственного значения. Очевидно, что либералы сделали из этого неверные выводы и теперь лихорадочно листают Писание, ломая голову над тем, как лучше умаслить легионы тех, кто голосует на основании религиозных догм. Более 50% американцев «негативно» или «крайне негативно» относятся к тем, кто не верит в бога; 70% полагают, что кандидаты в президенты должны быть «глубоко религиозны». Мракобесие в Соединённых Штатах набирает силу — в наших школах, в наших судах и во всех ветвях федеральной власти. Только 28% американцев верят в эволюцию; 68% верят в Сатану. Невежество такой степени, пронизывающее весь организм неуклюжей сверхдержавы, представляет проблему для всего мира.

Хотя всякий умный человек может запросто критиковать религиозный фундаментализм, так называемая «умеренная религиозность» до сих пор сохраняет престижное положение в нашем обществе, включая академические круги. В этом есть определённая доля иронии, поскольку даже фундаменталисты используют свои мозги более последовательно, чем «умеренные». Фундаменталисты оправдывают свои религиозные воззрения при помощи смехотворных доказательств и несостоятельной логики, но, по крайней мере, они пытаются найти хоть какое-то рациональное оправдание. Умеренные верующие, напротив, обычно ограничиваются перечислением благих последствий религиозной веры. Они не говорят, что верят в бога, потому что исполнились библейские пророчества; они просто заявляют, что верят в бога, потому что вера «придаёт смысл их жизни». Когда цунами погубило несколько сотен тысяч

человек на следующий день после Рождества, фундаменталисты незамедлительно истолковали это как свидетельство божьего гнева. Оказывается, бог послал человечеству очередное туманное предупреждение о греховности абортов, идолопоклонства и гомосексуализма. Пусть и чудовищное с нравственной точки зрения, но такое истолкование является логичным, если исходить из определённых (абсурдных) посылок. Умеренные верующие, напротив, отказываются делать какие бы то ни было выводы из действий Господа. Бог остаётся тайной тайн, источником утешения, легко совместимым с самыми кошмарными злодеяниями. Перед лицом таких катастроф, как азиатское цунами, либеральная религиозная общественность с готовностью несёт слащавый и отупляющий разум вздор.

И всё-таки люди доброй воли совершенно естественно предпочитают такие трюизмы одиозному морализаторству и пророчествам истинно верующих. В промежутках между катастрофами акцент на милосердии (а не гневе), безусловно, заслуга либеральной теологии. Однако стоит заметить: когда из моря вытаскивают раздутые тела погибших, мы наблюдаем человеческое, а не божественное милосердие. В дни, когда стихия вырывает тысячи детей из рук матерей и равнодушно топит их в океане, мы видим с предельной ясностью, что либеральная теология — самая вопиюще абсурдная из человеческих иллюзий. Даже теология божьего гнева более состоятельна интеллектуально. Если бог существует, его воля не является загадкой. Единственное, что является загадкой во время таких ужасных событий, — это готовность миллионов психически здоровых людей верить в невероятное и считать это вершиной нравственной мудрости.

Умеренные теисты утверждают, что разумный человек может верить в бога просто потому, что такая вера делает его счастливей, помогает ему преодолеть страх смерти или придаёт смысл его жизни. Это утверждение — чистой воды абсурд. Его нелепость становится очевидной, как только мы заменяем понятие «бог» на какое-нибудь другое утешительное предположение: представим, например, что некто хочет верить, что где-то в его огороде зарыт бриллиант величиной с холодильник. Вне всякого сомнения, верить в такое очень приятно. Теперь представьте, что бы случилось, если бы некто последовал примеру умеренных теистов и стал защищать свою веру следующим образом: на вопрос, почему он думает, что в его огороде зарыт бриллиант, в тысячи раз превосходящий размерами любой из доселе известных, он даёт ответы вроде «эта вера составляет смысл моей жизни», или «по воскресеньям моя семья любит вооружаться лопатами и искать его», или «я не хотел бы жить во вселенной без бриллианта размером с холодильник у себя в огороде». Ясно, что эти ответы неадекватны. Хуже того: так отвечать может либо безумец, либо идиот.

Ни пари Паскаля, ни «прыжок веры» Кьеркегора, ни прочие ухищрения, на которые идут теисты, не стоят выеденного яйца. Вера в существование бога

означает веру в то, что его существование неким образом соотносится с вашим, что его существование является непосредственной причиной веры. Между фактом и его принятием должна существовать некая причинно-следственная связь или видимость такой связи. Таким образом, мы видим, что религиозные утверждения, если они претендуют на описание мира, должны носить доказательный характер — как и любые другие утверждения. При всех свои прегрешениях против разума, религиозные фундаменталисты понимают это; умеренные же верующие — почти по определению — нет.

Несовместимость разума и веры уже на протяжении столетий является очевидным фактом человеческого познания и общественной жизни. Либо у вас есть веские причины придерживаться определённых взглядов, либо таких причин у вас нет. Люди любых убеждений естественным образом признают верховенство разума и прибегают к его помощи при первой же возможности. Если рациональный подход позволяет найти доводы в пользу учения, он непременно берётся на вооружение; если рациональный подход угрожает учению, он высмеивается. Иногда это происходит в одном предложении. Только если рациональные свидетельства в пользу религиозной доктрины неубедительны или начисто отсутствуют или если всё свидетельствует против неё, приверженцы доктрины прибегают к «вере». В остальных случаях они просто приводят основания для своих убеждений (напр., «Новый Завет подтверждает пророчества Ветхого Завета», «я видел лицо Иисуса в окне», «мы молились, и опухоль нашей дочери перестала расти»). Как правило, эти основания недостаточны, но всё-таки они лучше, чем полное отсутствие оснований. Вера — всего лишь лицензия на отрицание разума, которую выдают себе последователи религий. В мире, который продолжает сотрясать грызня несовместимых вероучений, в стране, ставшей заложником средневековых понятий «бог», «конец истории» и «бессмертие души», безответственное разделение общественной жизни на вопросы разума и вопросы веры более неприемлемо.

Вера и общественное благо

Верующие регулярно заявляют, что атеизм несёт ответственность за ряд самых чудовищных преступлений XX-го столетия. Однако, хотя режимы Гитлера, Сталина, Мао и Пол Пота действительно были в разной степени антирелигиозны, они не отличались чрезмерной рациональностью. Их официальная пропаганда представляла собой жуткую мешанину заблуждений — заблуждений о природе расы, экономики, национальности, исторического прогресса и опасности интеллектуалов. Во многих отношениях, религия была прямым виновником даже в этих случаях. Возьмём Холокост: антисемитизм, построивший нацистские крематории и газовые камеры, был напрямую унаследован у средневекового христианства. На протяжении веков верующие немцы рассматривали евреев как самых страшных еретиков и приписывали любое общественное зло их присутствию среди правоверных. И хотя в Германии ненависть к евреям находила

преимущественно светское выражение, религиозная демонизация евреев в остальной Европе не прекращалась никогда. (Даже Ватикан вплоть до 1914 года регулярно обвинял евреев в том, что они пьют кровь христианских младенцев.)

Освенцим, Гулаг и поля смерти в Камбодже — не примеры того, что происходит, если люди начинают слишком критично относится к иррациональным убеждениям. Напротив, эти ужасы иллюстрируют опасность некритического отношения к определённым светским идеологиям. Нет нужды объяснять, что рациональные аргументы против религиозной веры не являются аргументами в пользу слепого принятия некой атеистической догмы. Проблема, на которую указывает атеизм, — это проблема догматического мышления вообще, а в любой религии доминирует именно такое мышление. Ни одно общество в истории ещё не страдало от избытка рациональности.

Хотя большинство американцев считают избавление от религии недостижимой целью, значительная часть развитых стран уже достигла этой цели. Может быть, исследования «религиозного гена», заставляющего американцев безропотно подчинять свою жизнь дремучим религиозным фантазиям, помогут объяснить, почему у стольких жителей развитого мира этот ген, судя по всему, отсутствует. Уровень атеизма в подавляющем большинстве развитых стран начисто опровергает любые утверждения о том, что религия является моральной необходимостью. Норвегия, Исландия, Австралия, Канада, Швеция, Швейцария, Бельгия, Япония, Нидерланды, Дания и Великобритания — все эти страны принадлежат к числу наименее религиозных на нашей планете. По данным ООН за 2005 год эти страны также являются самыми здоровыми — это заключение сделано на основе таких показателей, как продолжительность жизни, всеобщая грамотность, годовой доход на душу населения, уровень образования, равенство полов, число совершаемых убийств и детская смертность. Напротив, 50 наименее развитых стран на планете в высшей степени религиозны — все до единой. Ту же картину рисуют и другие исследования.

Среди богатых демократических обществ Соединённые Штаты уникальны своим уровнем религиозного фундаментализма и неприятия теории эволюции. США также уникальны высокими показателями убийств, абортов, подростковых беременностей, венерических заболеваний и детской смертности. Та же зависимость прослеживается и в самих Соединённых Штатах: штаты Юга и Среднего Запада, где религиозные предрассудки и враждебность к эволюционной теории наиболее сильны, характеризуются самыми высокими показателями перечисленных выше проблем; в то время как относительно светские штаты Северо-Востока ближе к европейским нормам. Разумеется, статистические зависимости такого рода не решают проблему причины и следствия. Возможно, вера в бога ведёт к социальным проблемам; возможно, социальные проблемы усиливают веру в бога; возможно, что и то, и другое является следствием другой, более глубинной проблемы. Но даже если оставить в стороне вопрос причины и

следствия, эти факты убедительно доказывают, что атеизм полностью совместим с базовыми требованиями, которые мы предъявляем к гражданскому обществу. Они также доказывают — без каких-либо оговорок, — что религиозная вера не приносит никакой пользы здоровью общества.

Что особенно показательно, государства с высоким уровнем атеизма демонстрируют наибольшую щедрость в помощи развивающимся странам. Сомнительная связь между буквальным истолкованием христианства и «христианскими ценностями» опровергается и другими индикаторами благотворительности. Сравните разницу в оплате труда высшего руководства компаний и основной массы их подчинённых: 24 к 1 в Великобритании; 15 к 1 во Франции; 13 к 1 в Швеции; в США, где 83% населения верят в то, что Иисус буквально восстал из мёртвых, — 475 к 1. Похоже, что немало верблюдов надеются без труда протиснуться сквозь игольное ушко.

Религия как источник насилия

Одна из главных задач, стоящих перед нашей цивилизацией в XXI-м веке, — научиться говорить о самом сокровенном — этике, духовном опыте и неизбежности человеческого страдания — на языке, свободном от вопиющей иррациональности. Ничто так не мешает достижению этой цели, как уважение, с которым мы относимся к религиозной вере. Несовместимые религиозные учения раскололи наш мир на несколько общин — христиан, мусульман, иудеев, индуистов и т. д. — и этот раскол стал неисчерпаемым источником конфликтов. По сей день религия неустанно порождает насилие. Конфликты в Палестине (иудеи против мусульман), на Балканах (православные сербы против хорватских католиков; православные сербы против боснийских и албанских мусульман), в Северной Ирландии (протестанты против католиков), в Кашмире (мусульмане против индуистов), в Судане (мусульмане против христиан и приверженцев традиционных культов), в Нигерии (мусульмане против христиан), в Эфиопии и Эритрее (мусульмане против христиан), в Шри-Ланке (буддисты-сингалезийцы против тамильских индуистов), в Индонезии (мусульмане против христиан Тимора), в Иране и Ираке (мусульмане-шииты против мусульман-суннитов), на Кавказе (православные русские против чеченских мусульман; мусульмане-азербайджанцы против армянских католиков и православных) — это всего лишь несколько из множества примеров. В каждом из этих регионов религия была либо единственной, либо одной из главных причин гибели миллионов людей в последние десятилетия.

В мире, которым правит невежество, только атеист отказывается отрицать очевидное: религиозная вера придаёт человеческому насилию ошеломительный размах. Религия стимулирует насилие как минимум двумя способами: 1) Люди часто убивают других людей, поскольку верят, что этого от них хочет творец вселенной (неизбежным элементом такой психопатической логики является

убеждённость, что после смерти убийце гарантировано вечное блаженство). Примеры такого поведения бесчисленны; террористы-смертники — наиболее яркий. 2) Крупные сообщества людей готовы вступить в религиозный конфликт уже потому, что религия составляет важную часть их самосознания. Одна из непроходящих патологий человеческой культуры заключается в склонности людей воспитывать в своих детях страх и ненависть к другим людям по религиозному признаку. Многие религиозные конфликты, вызванные, на первый взгляд, мирскими причинами, на самом деле имеют религиозные корни. (Если не верите, спросите у ирландцев.)

Невзирая на эти факты, умеренные теисты склонны воображать, что любой человеческий конфликт может быть сведён к отсутствию образования, бедности и политическим разногласиям. Это одно из многочисленных заблуждений либеральных праведников. Чтобы развеять его, нам нужно всего лишь вспомнить, что люди, захватившие самолёты 11 сентября 2001 года, имели высшее образование, происходили из обеспеченных семей и не страдали ни от какого политического угнетения. При этом они проводили очень много времени в местной мечети, беседуя о развращённости неверных и о наслаждениях, которые ждут мучеников в раю. Сколько ещё архитекторов и инженеров должны врезаться в стену на скорости 400 миль в час, чтобы мы наконец поняли: воины джихада порождаются не плохим образованием, бедностью или политикой? Правда, как ни шокирующе это звучит, такова: человек может быть настолько хорошо образован, что сумеет построить атомную бомбу, не переставая верить в то, что в раю его поджидают 72 девственницы. Такова лёгкость, с которой религиозная вера раскалывает человеческое сознание, и такова степень терпимости, с которой наши интеллектуальные круги относятся к религиозному вздору. Только атеист понял то, что уже должно быть очевидно любому думающему человеку: если мы хотим ликвидировать причины религиозного насилия, мы должны нанести удар по ложным истинам мировых религий.

Почему религия — такой опасный источник насилия?

— Наши религии принципиально исключают друг друга. Либо Иисус восстал из мёртвых и рано или поздно вернётся на Землю в обличье супергероя, либо нет; либо Коран является непогрешимым заветом Господа, либо нет. Каждая религия содержит в себе однозначные утверждения о мире, и уже одно только изобилие таких взаимоисключающих утверждений создаёт почву для конфликта.

— Ни в одной другой области человеческой деятельности люди не постулируют своё отличие от других с таким максимализмом — и не привязывают эти отличия к вечным мукам или вечному блаженству. Религия — это единственная область, в которой противопоставление «мы-они» приобретает трансцендентное значение. Если вы действительно верите, что только употребление правильного имени бога может спасти от вечных мук, то жестокое обращение с еретиками может

рассматриваться как вполне разумная мера. Возможно, ещё разумней сразу их убить. Если вы верите, что другой человек может, всего лишь сказав что-то вашим детям, обречь их души на вечное проклятие, то сосед-еретик гораздо опасней насильника-педофила. В религиозном конфликте ставки сторон намного выше, чем в случае межплеменной, расовой или политической вражды.

— Религиозная вера — табу в любом разговоре. Религия — единственная область нашей деятельности, в которой людей последовательно ограждают от необходимости подкреплять свои глубочайшие убеждения какими бы то ни было доводами. Вместе с тем, эти убеждения зачастую определяют то, ради чего человек живёт, ради чего он готов умереть и — слишком часто — ради чего он готов убить. Это крайне серьёзная проблема, поскольку при слишком высоких ставках людям приходится выбирать между диалогом и насилием. Только фундаментальная готовность использовать свой разум — то есть корректировать свои убеждения в соответствии с новыми фактами и новыми доводами — может гарантировать выбор в пользу диалога. Убеждённость без доказательств обязательно влечёт за собой раздор и жестокость. Нельзя сказать с уверенностью, что рациональные люди всегда будут согласны друг с другом. Но можно быть абсолютно уверенным в том, что иррациональные люди всегда будут разделены своими догмами.

Вероятность того, что мы преодолеем расколотость нашего мира, создавая новые возможности для межконфессионального диалога, исчезающе мала. Терпимость к записной иррациональности не может быть конечной целью цивилизации. Несмотря на то, что члены либеральной религиозной общественности договорились смотреть сквозь пальцы на взаимоисключающие элементы своих вероучений, эти элементы остаются источником перманентного конфликта для их единоверцев. Таком образом, политкорректность не является надёжной основой для человеческого сосуществования. Если мы хотим, чтобы религиозная война стала для нас столь же непредставимой, как каннибализм, добиться этого можно только одним способом — избавившись от догматической веры.

Если наши убеждения основаны на разумных доводах, нам не нужна вера; если же у нас нет доводов или они никуда не годятся, это значит, что мы утратили связь с реальностью и друг с другом. Атеизм — это всего лишь приверженность самому базовому мерилу интеллектуальной честности: ваша убеждённость должна быть прямо пропорциональна вашим доказательствам. Убеждённость в отсутствие доказательств — и особенно убеждённость в том, доказательств чему попросту не может быть — порочна как с интеллектуальной, так и с нравственной точки зрения. Только атеист понимает это. Атеист — это всего лишь человек, который увидел лживость религии и отказался жить по её законам.

Взято с сайта http://scepsis.ru
Перевод Константина Смелого

ИЗДАНИЕ НЕ ПРЕСЛЕДУЕТ КОММЕРЧЕСКОЙ ЦЕЛИ

И РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ИЗ РУК В РУКИ

контакт с нами: vlasti_net@mail.ru

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТИРАЖ – ОДНА ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ